

А. А. Фет

О стихотворениях Ф. Тютчева

Русская критика эпохи Чернышевского и Добролюбова

М., "Детская литература", 1989

OCR Бычков М. Н.

Афанасий Афанасьевич Фет (1820--1892) вырос в семье мценского помещика, и конце 1830-х -- начале 40-х годов учился на словесном отделении Московского университета, где подружился с. Ап. Григорьевым. После университета четырнадцать лет служил в кавалерии, а затем, купив хутор в родном Мценском уезде, стал помещиком. Стихи писал всю жизнь. Наиболее известны четыре сборника его стихов под общим названием "Вечерние огни" (1883--1891). Фет ценил в поэзии прежде всего красоту стиха, гармонию мировосприятия, внутреннюю рифму и певучесть. Он выступал и как переводчик Горация, Овидия, Гете, Шиллера, Байрона.

"Солдат, коннозаводчик, поэт и переводчик" так шутливо характеризовал себя Фет, подчеркивая разноликость своих то сугубо практических, то поэтических занятий.

Среди статей Фета о литературе наиболее значительна статья "О стихотворениях Ф. Тютчева" ("Русское слово", 1859, No 2). Тютчев был для Фета величайшим авторитетом, образцом для подражания, и, рассматривая его творчество, Фет делал глубокие наблюдения над природой поэзии, мыслью в стихах, сущностью лиризма. Заметив, что лирическая деятельность требует противоположных качеств, безумной слепой отваги и величайшей осторожности, тончайшего чувства меры, Фет делал рискованное, на первый взгляд, заключение: "Кто не в состоянии броситься с седьмого этажа вниз головой, с непоколебимой верой в то, что он воспарит по воздуху, тот не лирик". Однако, если вдуматься, эта формула имеет глубокий смысл, в ней идет речь о присущей только поэту особой силе, которая помогает ему вырваться из "будничной действительности".

О СТИХОТВОРЕНИЯХ Ф. ТЮТЧЕВА

А. А. Григорьеву

Два года тому назад, в тихую, осеннюю ночь, стоял я в темном переходе Колизея и смотрел в одно из оконных отверстий на звездное небо. Крупные звезды пристально и лучезарно глядели мне в глаза и, по мере того, как я всматривался в тонкую синеву, другие звезды выступали передо мною и глядели на меня так же таинственно и так же красноречиво, как и первые. За ними мерцали во глубине еще тончайшие блески и мало-помалу всплывали в свою очередь. Ограниченные темными массами стен, глаза мои видели только небольшую часть неба, но я чувствовал, что оно необъятно и что нет конца его красоте. С подобными ощущениями раскрываю стихотворения Ф. Тютчева. Можно ли в такую тесную рамку (я говорю о небольшом объеме книги) вместить столько красоты, глубины, силы, одним словом поэзии! Если бы я не боялся нарушить права собственности, то снял бы дагерротипически все небо г. Тютчева с его звездами 1-й и 2-й величины, т.е. переписал бы все его стихотворения. Каждое из них -- солнце, т.е. самобытный, светящий мир, хотя на иных и есть пятна; но, думая о солнце, забываешь о пятнах.

Говоря выше о поэтическом содержании, мысли, мы смешивали эти два понятия, как это делают обыкновенно; но смешивать их никак не должно, потому что содержание хотя и включает понятие о мысли, но относится к ней как весь человек к душе, а никто не смешает этих двух понятий. Что такое поэтическая мысль, чем она разнится от мысли философской и какое место занимает в архитектурной перспективе поэтического произведения? Как самая поэзия -- воспроизведение не всего предмета, а только его красоты, поэтическая мысль только отражение мысли философской и опять-таки отражение ее красоты; до других ее сторон поэзии нет дела. Чем резче, точнее философская мысль, тем вернее обозначена ее сфера, чем ближе подходит она к незыблемой аксиоме, тем выше ее достоинство. В мире поэзии наоборот. Чем общей поэтическая мысль, при всей своей яркости и силе, чем шире, тоньше и неуловимей расходится круг ее, тем она поэтичней. Она не предназначена, как философская мысль, лежать твердым камнем в общем здании человеческого мышления и служить точкою опоры для последующих выводов; ее назначение -- озарять передний план архитектурной перспективы поэтического произведения или тонко и едва заметно светить в ее бесконечной глубине. Нет в мире